День, когда умер Сталин

Дорис Лессинг

SHOUT
SHARE
IT

- Дорис Лессинг

Дорис Лессинг
День, когда умер Сталин

Тот день начался для меня скверно: с письма моей тётки из Бурнмаута. Она напоминала, что я ей обещала в четыре часа проводить мою двоюродную сестру Джесси к фотографу. Да, обещала, обещала, только всё из головы вылетело. На четыре я уже условилась встретиться с Биллом – значит, надо будет опять дозваниваться и договариваться. Билл, сценарист из Штатов, имел какие-то неприятности с Комитетом по антиамериканской деятельности, попал в чёрный список, оказался без работы, и я пыталась добыть для него разрешение остаться в Англии. Он подыскивал себе секретаршу. Раньше эту роль исполняла его жена, но теперь они разводились, обнаружив после двадцати лет совместной жизни, что их ничто не связывает. Я решила представить его Беатрисе.

Беатриса была моей давней подругой из Южной Африки, у которой истекал срок паспорта. На неё наклеили ярлык коммунистки, и она знала, что, если вернётся, назад её больше не выпустят, а поэтому хотела остаться в Англии ещё на полгода. Денег у неё не было, и ей нужна была работа. Я думала, что у Билла с Беатрисой найдётся много общего, но выяснилось, что они друг другу не показались. Беатриса объяснила, что у Билла нет принципов, потому что он пишет для телевидения развратные комедии под псевдонимом и сам снимается в плохих фильмах. Оправданий, что, мол, надо же чем-то кормиться, она не принимала. Билл, со своей стороны, терпеть не мог женщин, которые суются в политику. Но мне о несовместимости дорогих друзей знать не полагалось, и я битый час охотилась за Биллом по всем коммутаторам, пока, наконец, не отловила в какой-то студии, где он репетировал в фильме о Леди Гамильтон. Он сказал, что я могу не беспокоиться, потому что он всё равно забыл о встрече. Телефон Беатрисы не отвечал, поэтому я послала ей телеграмму.

Так вторая половина дня оказалась у меня свободной для сестрицы Джесси. Только я села за работу, как позвонила товарищ Джин и сказала, что хочет встретиться со мной за обедом. Уже много лет, как Джин стала моим самозванным ментором, решив, что у нее есть долг внушать мне правильную политическую точку зрения. Точнее сказать, она была одним из моих самозванных наставников. Когда вышла первая книжка моих рассказов, именно Джин на следующий же день отпросилась с работы и специально

пришла ко мне разъяснить, что один из них, я забыла какой, содержит неверный анализ классовой борьбы. Помню, тогда мне казалось, что в её словах что-то есть.

К обеду она пришла со своими бутербродами в бумажном кульке, но приняла от меня чашку кофе. Она извинилась за беспокойство, и сказала, что чрезвычайно расстроена тем, что я, как ей кто-то передал, наговорила.

Выяснилось, что неделю назад я на каком-то собрании заметила, что есть достаточно свидетельств того, что в Советском Союзе совершается много грязного. Я первая готова была согласиться, что это замечание было несколько поверхностным.

Джин – низенькая, оживлённая дама в очках, была дочкой епископа, а её преданность делу рабочего класса подтверждалась тридцатью годами работы в партии. Ко мне она всегда относилась мягко и с терпением. «Товарищ, – говорила она, – интеллектуал, вроде тебя, испытывает гораздо большее давление разлагающих сил капитализма, чем партийный работник, каким бы он ни был. Это не твоя вина, но тебе постоянно нужно себя контролировать».

Я ответила, что, как мне кажется, я себя постоянно контролирую, но, тем не менее, не могу отделаться от ощущения, что капиталистическая пресса иногда, конечно, совершено непреднамеренно, пишет правду.

Джин аккуратно доела начатый бутерброд, поправила очки и прочитала мне короткую лекцию о необходимости сохранения рабочим классом высокой бдительности. Потом она сказала, что ей пора, потому что в два она должна быть в своём кабинете, а единственная возможность для интеллектуала с моей биографией стать на правильную точку зрения состоит в более активной партийной работе и слиянии с рабочим классом, и что лишь таким образом написанное мной может стать оружием в классовой борьбе. И ещё добавила, что пришлёт мне протоколы открытых процессов в тридцатые годы, и когда я прочту их, моя теперешняя шаткая позиция в отношении Советского Союза станет более твёрдой. Я ответила, что уже давным-давно прочла эти протоколы, и они всегда казались мне неубедительными. Он сказала, что для беспокойства нет причины, потому что выработка подлинно пролетарского мировоззрения требует времени.

С этим она ушла, а настроение у меня почему-то упало.

И опять, едва я уселась за работу, как зазвонил телефон. Это уже была сестрица Джесси, которая сообщила, что не сможет ко мне зайти, как договорились, потому что сейчас покупает платье, в котором пойдёт фотографироваться. Не смогу ли я встретить её через двадцать минут у магазина одежды? Я бросила

послеобеденную работу и поехала на такси. По дороге я поговорила с шофёром о ценах и действиях правительства и обнаружила, что наши взгляды просто на удивление во всём совпадают. Тогда он стал рассказывать мне о своей восемнадцатилетней дочке, выскочившей замуж за его лучшего друга, которому уже сорок пять. Он этого не потерпел (так он выразился), и поэтому сразу остался и без дочки, и без друга. В довершение бед он прочитал статью в психологическом журнале, который принесла жена, и вдруг понял, что его дочка зациклилась на отце.

– Когда я прочел об этом, просто что-то в душе перевернулось, – горько вздохнул он. – Страшная вещь, вдруг узнать такое.

Он ловко подрулил к магазину одежды, и я вышла.

– Я думаю, вам не стоит принимать это так близко к сердцу, – сказала я. – Не удивлюсь, если вдруг обнаружится, что все мы зациклены на отце.

– Что вы, что вы, – заметил он, протягивая руку за платой.

Маленький, желчный человек, с головкой, как лимон, и маленькими ищущими обозлёнными глазками.

– Моя старуха всегда говорила, что я Хейзл слишком баловал. Видать, была права.

– А попробуйте, – сказала я, – посмотреть на это с другой стороны. Лучше уж слишком сильно любить своего ребёнка, чем слишком мало.

– Любить, говорите? И что за эту любовь? Уехала с моим же парнем, Джорджем, и за три месяца хоть бы открытку прислала, где они и как.

– Всем непросто: у одних одно, у других – другое.

– Это вы верно сказали.

Беседа могла бы тянуться ещё, но я заметила, что Джесси уже стоит на тротуаре и смотрит на нас. Я расплатилась и с опаской повернулась к Джесси.

– Я видела, как ты с ним поругалась, – сказала она. – С ними только так, а то совсем обнаглели. Мой принцип: даю шесть пенсов на чай, сколько бы я ни проехала, и ничего не добавляю. Только вчера один свою пасть раскрыл на всю улицу, потому что я ему оставила только шестипенсовик. Им нельзя уступать.

Джесси высокая, широкоплечая, ей скоро двадцать пять, а на вид – восемнадцать. Светло-каштановые волосы падают по сторонам круглого лица с острым подбородком, а широкие голубые глаза невинны и яростны. Настоящая дочь викингов, особенно когда вступает в бой с кондукторами, таксистами и носильщиками. Она и моя тётушка Эмма ведут нескончаемую

партизанскую войну с обслуживающим персоналом. Думаю, простительное развлечение при крайней убогости их жизни. А кроме того, их противники, кажется, тоже получают от таких схваток немалое удовольствие. Помню, как после одного сражения с таксистом Джесси гордо удалилась, презрительно дёрнув плечом, а тот одобрительно хмыкнул: «Вот это характер, как в старые дни. Сейчас таких больше не делают».

– Ты купила, что хотела? – спросила я.

– Вот, на мне.

Джесси всегда одевается одинаково: костюм хорошего покроя, свитерок с круглым воротом, нитка жемчуга. Ей очень идёт.

– Тогда пошли и кончим с этим, – сказала я.

– Мама тоже пойдёт с нами.

Воинственность возвращалась к ней.

– Ну, раз так…

– Я сказала ей, что буду покупать свои вещи сама, чтобы она подъехала к магазину потом. Терпеть не могу, когда она начинает выбирать вещи за меня.

– Ты, наверное, права.

Тётушка Эмма уже двигалась к нам из чайного уголка, где проводила время. Она очень крупная, одевается в тёмно-синее, носит бусы и белые рукавицы, как у регулировщика уличного движения. У неё большое, скуластое, печальное лицо и бульдожьи глаза, почти всегда недовольно устремлённые на дочь.

– Ну вот, – сказала она, увидев костюм Джесси. – Ты вполне могла бы пойти со мной.

– Что ты хочешь этим сказать? – дёрнулась Джесси.

– Просто я уже была здесь утром, сказала, что ты сюда собираешься и попросила их предложить тебе этот костюм. Ты его и купила. Видишь, я знаю твой вкус не хуже, чем свой.

Джесси вскинула на мать острый подбородок, а та скромно опустила торжествующий взгляд и стала ковырять тротуар концом зонтика.

– Наверное, нам пора идти, – сказала я.

Тётушка Эмма и Джесси, наполняя воздух вокруг себя злым электричеством, подошли ко мне, и мы двинулись по улице.

– Поедем на автобусе на втором этаже, – предложила я.

– Да, так, наверное, лучше, – согласилась тётушка. – С меня хватит одного наглого таксиста в день.

– И с меня тоже, – присоединилась Джесси.

Мы зашли в автобус, который оказался пустым, поднялись на второй этаж и уселись рядом на двух передних местах.

– Надеюсь, твой фотограф изобразит Джесси как надо.

– Надеюсь, – согласилась я.

Тётушка Эмма была уверена, что каждый писатель живёт в круговороте фотографов, пресс-конференций и издательских приёмов, а поэтому она считала меня именно тем человеком, который может предложить хорошего фотографа. Я объяснила ей в письме, что я совсем не тот человек, но ответила, что я не могу отказать ей в такой мелочи.

– Мне всё равно! – отрубила Джесси.

Она всегда выстреливала короткие, на одном дыхании фразы, будто рожденные неукротимыми муками её цельной души, которую никому не дано постичь.

В том пансионе, где она жила с тётушкой, кажется, обитал какой-то старик, брат которого был продюсером на телевидении. Джесси когда-то играла в самодеятельной постановке «Тихой свадьбы», и тётушка решила, что если бы у неё было хорошее фото, она показала бы это фото продюсеру, когда тот зайдёт на чай к своему брату, что могло случиться в любое воскресенье, и если Джесси окажется фотогеничной, то продюсер вытащит её в Лондон и сделает звездой.

Я понятия не имела, что Джесси думает об этих планах с дальним прицелом. Я вообще не знала, что она думает о затеях своей матери. Она могла с равной вероятностью как согласиться, так и нет. Но в любом случае она бы это сделала с яростным и неколебимым безразличием.

– Не становись в позу, – сказала тётушка. – Честное слово, это не справедливо к фотографу.

– Ну, отстань, мама!

– А вот и кондуктор, – объявила тётушка с ядовитой улыбкой. – Я не заплачу ни на пенс больше, чем в прошлый раз. Проезд от Кингсбриджа до Литтл-датчес-стрит стоит три пенса.

– Уже повысили, – заметила я.

– Ни пенни больше! – отрезала тётушка.

Но это был не кондуктор. Это были мужчина и женщина среднего возраста, поддерживавшие друг друга на верхней ступеньке. Сели они не рядом, а друг за другом. Мне это показалось странным, особенно потому что женщина нагнулась вперёд над плечом мужчины и скрипучим голосом попугая изрекла:

– Если ты выкинешь мою золотую рыбку, я скажу хозяйке квартиры, и она выкинет тебя самого. Я тебя уже предупреждала.

У мужчины был вид промокшей, смятой, серой шляпы. Он смотрел перед собой и кивал в такт автобусу.

Женщина сказала:

– На моей рыбке завёлся грибок. Ты думаешь, я не знаю, откуда он взялся?

Вдруг мужчина заговорил высоким убеждённым голосом:

– Они там, эти рыбки, в глубинах моря, все они там. Мы взрываем их бомбами, и нам не будет за это прощения. Нет, не будет нам прощения за то, что мы взрываем этих несчастных крохотных рыбок.

Женщина ответила примирительно:

– Я об этом думала.

Потом она поднялась с кресла сзади и села рядом с ним. Я знала, что этот день на чём-нибудь сорвётся, но подслушанный разговор совсем расстроил меня, и вздохнула с облегчением, когда тётушка Эмма вернула всё в привычную колею:

– Послушайте, раньше таких людей просто не было. Это всё из-за правительства лейбористов.

– Мама, – сказала Джесси. – Сегодня у меня нет никакого настроения разговаривать о политике.

Наконец, мы доехали и сошли с автобуса. Тётушка дала кондуктору девять пенсов за троих, которые он взял без возражений.

– К тому же, они совершенно неэффективны, – продолжила тётушка.

Накрапывал дождик, и было довольно зябко. Мы пошли вверх по улице, сдвинув головы под зонтиком тётушки.

Тут мне бросился в глаза крупный заголовок на газетном стенде: «Сталин при смерти». Я остановилась, и зонтик запрыгал дальше без меня. Я давно знала этого продавца и спросила:

– Хорошо продаётся с таким известием?

– С ним это должно было случиться. Как жил, я думаю, так и случилось. А крепкий был, как бульдозер.

Он перегнул газету и протянул мне.

– Я смотрю, в такой жизни нет ничего хорошего. Сидячая жизнь. Читает отчёты и сидит на собраниях. Моя работа мне вот чем нравится: много свежего воздуха.

Джесси и тётушка Эмма остановились, пройдя несколько шагов, и, прижавшись друг к другу под зонтиком, смотрели на меня.

– Что случилось, деточка? – крикнула тётушка.

– Разве не видишь, что она покупает газету? – сердито объяснила Джесси.

Газетчик сказал:

– Сейчас, когда он помрёт, там много поменяется. Меня особенно не волнует, что там у них делается, но, кажется, они не очень привыкли к демократии. Я имею в виду, если люди чего-то не знают, то и не замечают, что этого у них нет.

Я поскакала под дождём к зонтику.

– Сталин при смерти, – сообщила я.

– Откуда ты взяла? – подозрительно спросила тётушка.

– В газете написано.

– Слышала сегодня утром, что он заболел, но не поверю, пока не увижу собственными глазами.

– Мама, не говори глупости, как ты можешь это увидеть? – спросила Джесси.

Мы шли вверх по улице.

– Ты не думаешь, что Джесси нужно купить хорошее выходное платье? – спросила тетушка.

– Мама, – вмешалась Джесси, – разве ты не видишь, что она расстроена? Для неё это то же самое, как для нас, если бы умер Черчилль.

– Ну, что ты несёшь! – воскликнула шокированная тётушка и застыла на месте.

Спица зонтика царапнула Джесси по голове, и она ойкнула.

– Да закрой ты, наконец, этот зонтик! Разве не видишь, что дождь кончился? – раздраженно сказала она и потёрла пробор.

Тётушка дёргала и толкала зонтик, пока он, наконец, не сложился, а Джесси взяла его и скатала в трубочку. Тётушка покраснела, нахмурилась и окинула меня сомневающимся взглядом:

– Ты не хочешь выпить чашку хорошего чая?

– Тогда Джесси опоздает.

Мы были уже у дверей фотографии.

– Я так надеюсь, что ему удастся передать выражение лица Джесси, – сказала тетушка. – Никому ещё не удалось по-настоящему уловить её взгляд.

Джесси сердито поднималась впереди нас по шикарной лестнице с розовато-лиловыми в полоску обоями. Сверху долетел аккорд Стравинского. Джесси властно распахнула дверь и вошла. Мы оказались в комнате, которая, видимо, служила гостиной, сплошь белой, серой и золотой. Люстра вызванивала «Весну священную», и не было никакого смысла обращаться к хозяину, очаровательному молодому человеку в чёрной бархатной куртке, пока он не остановит граммофон, что он и сделал с извиняющейся улыбкой.

– Надеюсь, мы пришли, куда надо? – спросила тётушка. – Я привела свою дочку сфотографироваться.

– Да, вы пришли именно куда надо, – ответил молодой человек. – И как мило с вашей стороны, что вы пришли!

Он взял тётушкину руку в белой перчатке и с мягким пожатием усадил её на большой диван; тётушка от пожатия смущенно покраснела. Потом он бросил взгляд на меня. Я быстро

присела на другой диван подальше от тётушки. Фотограф окинул Джесси профессиональным взглядом и улыбнулся. Она стояла на ковре, заложив руки за спину, как адмирал перед строем, и хмуро смотрела на него.

– Вы, кажется, очень напряжены, – сказал он мягко. – Знаете, вы должны совсем расслабиться, а то снимок не получится.

– Я ничуть не напряжена, – сказала Джесси. – Это у моей двоюродной сестры нервы натянуты.

– Какое значение имеет, натянуты у меня нервы или нет, – отозвалась я, – это не я собираюсь фотографироваться.

Рядом со мной с дивана упала книга. «Пляшущий негр» Рональда Фербэнка. Наш хозяин в волнении метнулся к ней.

– Вы читаете нашего Рона? – спросил он.

– Кое что, – ответила я.

– А вот я почти ничего другого не читаю. Он, мне кажется, уже сказал последнее слово. Когда я прочёл все его книги, то начал сначала, и опять прочитал всё до последней страницы. Думаю, после Фербэнка вообще никому нет смысла писать.

Замечание меня разочаровало, и я промолчала.

– Надеюсь, чашка хорошего чая нам не помешает, – сказал он. – Пока я его приготовлю, может быть, опять поставим пластинку?

– Терпеть не могу современную музыку, – сказала Джесси.

– Что поделаешь, вкусы бывают разные, – вздохнул хозяин.

Он уже был у двери, когда та отворилась, и появился ещё один молодой человек с чайным подносом, такой же лёгкий, гибкий и любезный. На нём были чёрные джинсы и лиловый свитер, а волосы на голове блестели, как два неровных чёрных крыла.

– Как ты кстати, дорогой, – сказал наш хозяин и обратился к нам, – Позвольте представить вам моего друга и помощника Джеки Смита. А моё имя вы знаете. Сейчас, когда мы выпьем по чашке чудного чая, я надеюсь, наши вибрации войдут в гармонию.

Теперь Джесси стояла на ковре по стойке «вольно». Он протянул ей чашку чая. Джесси кивнула в мою сторону и приказала:

– Дайте ей.

Хозяин повернулся и передал чашку мне.

– Что с вами, милая? – спросил он меня. – Вам плохо?

– Спасибо, всё в порядке, – ответила я, не отрываясь от газеты.

– Сталин при смерти, – сказала тётушка. – По крайне мере, они хотят, чтобы мы в это поверили.

– Сталин? – переспросил хозяин.

– Тот русский, – объяснила тетушка.

– А, вы имеете в виду Дядюшку Джо. Боже, благослови его!

Тётушка удивлённо подняла голову. Джесси взглянула с беспардонной недоверчивостью.

Джеки Смит подсел ко мне и стал читать газету через моё плечо.

– Ну, ну, – сказал он. – Ну, ну, ну. – Потом вдруг хихикнул и добавил: – Девять врачей. Даже если бы было пятьдесят врачей, я бы особенно не надеялся, а вы?

– Надеяться, пожалуй, не на что, – согласилась я.

– Надоел этот болван, – заявил Джеки Смит. – Его давно надо было вышвырнуть. Он себя пережил ещё в конце войны, вы согласны?

– Трудно сказать.

Наш хозяин с чашкой чая в одной руке поднял другую повелительным жестом:

– Я не желаю такого слышать, – сказал он. – Совершенно не желаю. Бог свидетель, я говорю сейчас о том, в чём совершенно не разбираюсь, то есть о политике, но во время войны я вырезал Дядюшку Джо и Рузвельта из журнала и приколол их на стенку. Да, это были мои парни!

Тут сестрица Джесси, которая так и не присела и не взяла чашку, вдруг шагнула вперёд и бросила:

– Мы когда-нибудь займёмся сегодня этим дурацким делом?

– Ну, конечно, милая, – согласился хозяин, тут же отставив чашку, – ну, конечно, если вам так хочется.

Он взглянул на своего помощника, который неохотно отложил газету и потянул шнурок занавеса, открыв альков с кучей фотоаппаратов и всяких штук. Потом они оба внимательно осмотрели Джесси. Её непорочные щеки вспыхнули яростным румянцем, а глаза были ярко несчастны.

– Вы очень помогли бы мне, – попросил хозяин, – если бы объяснили, для какой цели вам нужен этот снимок: чтобы прославиться, для суперобложки вашей книги или просто на память вашему счастливому другу?

– Не знаю, мне совершенно всё равно, – ответила Джесси.

Тётушка Эмма встала и сказала:

– Я хочу, чтобы вы уловили её выражение, ну, просто как она смотрит…

Джесси сжала кулаки.

– Тётя Эмма, – вмешалась я, – нам с вами, наверно, лучше пока выйти.

– Послушай, милая…

Но хозяин уже обвил её рукой и мягко выпроваживал за дверь.

– Вы просто чудо, вы хотите, чтобы у меня получился очень хороший снимок, а у меня никогда ничего хорошего не получается, если присутствуют даже самые симпатичные зрители.

Тётушка Эмма опять обмякла и покраснела. Я заняла его место и повела тётушку к двери. Когда мы закрывали её, я услышала голос Джеки Смита:

– Может быть, поставим пластинку?

И голос Джесси:

– Я терпеть не могу музыку!

И опять Джеки Смит:

– Знаете, нам кажется, что музыка помогает…

Дверь закрылась. Мы с тётушкой стояли у окна на лестничной площадке и смотрели на улицу.

– А тебя этот молодой человек когда-нибудь фотографировал? – спросила она.

– Мне его рекомендовали.

Наверху заиграла музыка. Тётушка стала притоптывать.

– Гилберт и Салливан, как у неё только язык поворачивается сказать, что она терпеть не может такой музыки. Думаю, просто назло.

Я зажгла сигарету. Музыка резко оборвалась.

– Расскажи мне, милая, – вдруг язвительно спросила тетушка, – об увлекательных вещах, которыми ты изволишь заниматься?

Тётушка всегда задаёт такой вопрос, и каждый раз я с трудом выбираю кусочки своей жизни, достойные её внимания.

– Вот что, например, ты делала сегодня?

Я подумала о Билле, о Беатрисе, о товарище Джин.

– Я пообедала, – сказала я, – с дочкой епископа.

– В самом деле? – усомнилась тётушка.

Опять заиграла музыка: Кол Портер.

– Это не в моем вкусе, – заметила тётушка. – Что-то современное?

Музыка смолкла, распахнулась дверь: в ней стояла Джесси, излучая решимость.

– Ничего не получается, – сказала она. – Прости, мама, у меня сегодня нет настроения.

– Но мы снова будем в Лондоне только через четыре месяца!

За Джесси появились хозяин и его помощник, оба с галантными улыбками.

– Давайте больше не думать об этом, – сказал Джеки Смит, а хозяин добавил:

– Попробуем в другой раз, когда все станут сами собой.

Джесси повернулась к молодым людям и резко протянула руку.

– Мне очень жаль, – сказала она с яростной искренностью девственницы. – Мне действительно ужасно жаль.

Тётушка шагнула вперёд, оттолкнув Джесси в сторону, и пожала им руки.

– Большое спасибо вам обоим за чай.

Джеки Смит помахал моей газетой через три головы:

– Вы забыли, – сказал он.

– Не важно, оставьте себе.

– Как любезно с вашей стороны, теперь я смогу прочесть об этом со всеми кровавыми подробностями.

Дверь закрыла их дружеские улыбки.

– Да, – вздохнула тётушка, – такого стыда у меня ещё в жизни не было.

– А мне всё равно, – оборвала Джесси ожесточённо. – Мне на всё это наплевать.

Мы спустились на улицу. Пожали друг другу руки. Расцеловали друг друга в щёчки. Поблагодарили друг друга. Тётушка Эмма и кузина Джесси остановили такси. Я села в автобус.

Как только я зашла домой, звонил телефон. Эта была Беатриса. Она сказала, что получила телеграмму, но всё равно хочет со мной увидеться.

– Ты знаешь, что Сталин при смерти? – спросила я.

– Конечно. Послушай, очень важно провести об этом беседу в Медном поясе.

– Почему?

– Если мы не скажем людям правду об этом, то кто же её скажет?

– Да, ты, наверное, права, – согласилась я.

Она сообщила, что приедет через час. Я села за пишущую машинку и стала работать. Опять зазвонил телефон. Это была товарищ Джин.

– Ты знаешь, что случилось? – спросила она со слезами в голосе.

Товарищ Джин бросила мужа, когда он вступил в партию лейбористов во время подписания пакта Сталина с Гитлером, и с тех пор жила в однокомнатных квартирках на бутербродах и чае с портретом Сталина над кроватью.

– Да, знаю.

– Это так жутко, – прорыдала она. – Это ужас – они его убили!

– Кто убил? Откуда ты взяла?

– Его убили агенты капитализма, – сказала она. – Это же совершенно очевидно.

– Ему было семьдесят три.

– Так люди не умирают.

– В семьдесят три умирают.

– Мы должны дать клятву, что будем достойны его.

– Да, ты, наверное, права, – согласилась я.